

УДК 821.111-94(73)
ББК 84(7Coe)-44
Б87

Lisa Brennan-Jobs
SMALL FRY
A MEMOIR

Бреннан-Джобс, Лиза.

Б87 Маленькая рыбка. История моей жизни / Л. Бреннан-Джобс ; [пер. с англ. Д. А. Березко, Я. И. Багряной]. — Москва : Издательство АСТ, 2019. — 464 с. : ил. — *(Персона)*.
ISBN 978-5-17-110995-0

Как и сама память, как и откровенный разговор о прошлом с глазу на глаз, от первой страницы до последней это цепочка обособленных эпизодов, значение и смысл которых не замутняют суждения, параллели, анализ или обиды. Эпизодов из жизни девочки, позднее — девушки, выстроенных на временной шкале взрослой женщиной и матерью, которой та стала через много лет. Неблагополучную историю ее взросления от многочисленных сходных отличало лишь одно обстоятельство: не признававший ее отец носил имя Стив Джобс.

«Время, что мы провели вместе, текло не плавно, а рывками — как сменяют друг друга кадры мультфильма, нарисованные на уголках страниц в блокноте», — пишет Лиза Бреннан-Джобс о тех годах, когда искала свое место рядом с отцом. А оно между тем оказалось по ту сторону материка, на берегу другого океана.

УДК 821.111-94(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Lisa Brennan-Jobs, 2018
© Brigitte Lacombe (фото автора на переплете), 2018
© Alison Forner (оформление обложки), 2018
© ООО «Издательство АСТ» (оформление, перевод на русский язык), 2019

ISBN 978-5-17-110995-0

Посвящается Биллу

3-й РЫБАК. Удивляет меня, хозяин, как это рыбы живут в море! <...>

1-й РЫБАК. Да так же, как и люди на земле. Богатый скупец подобен акуле: она, плескаясь, гонит перед собой целую ватагу мелкой рыбы, а затем и набивает себе ею полный рот и пожирает ее всю. Такие акулы встречаются, как я слышал, и на земле; они все глотают, пока не спрячут в утробе и приход, и церковь, и колокольню, и колокола, словом — все¹.

Уильям Шекспир. Перикл

Любопытное переживание: чувствовать себя непризнанным источником общественного внимания, волоча при этом ноги по слякоти. Тогда сам себе кажешься привидением.

Сол Беллоу. Подарок от Гумбольдта

¹ Перевод П. Козлова.

За три месяца до того, как умер отец, я пристрастилась таскать из его дома вещи. Бродила по дому босиком и тихонько клала что-нибудь в карман. Так я унесла румяна, зубную пасту, две треснувшие чашки из голубого фарфора для полоскания пальцев, лак для ногтей, поношенные кожаные балетки и четыре старые белые наволочки, пожелтевшие, как старые зубы.

После каждой кражи я чувствовала удовлетворение. Обещала себе, что это последний раз. Но вскоре потребность взять что-нибудь овладевала мною вновь, подобно жажде.

Я на цыпочках прошла в комнату отца, стараясь не наступить на скрипучую половицу при входе. Раньше, когда он еще мог подниматься по лестнице, эта комната служила ему кабинетом, но теперь он в ней спал. Она была завалена книгами, письмами, пузырьками лекарств, стеклянными и деревянными яблоками, наградами, пачками бумаги. Еще там были гравюры Хасуи в рамках, изображавшие храмы в сумерках и на закате. Вдоль стены рядом с отцом протянулась полоса розоватого света.

Он полусидел на кровати, на нем были шорты. Его голые ноги были худы, как руки, и изогнуты, как у кузнечика.

— Привет, Лиз, — сказал он.

Рядом с ним стоял Сегью Ринпоче. Последнее время я часто заставляла его, когда заходила. Это был низкорослый бразилец со сверкающими карими глазами и хриплым голосом — буддийский монах в коричневой рясе поверх круглого живота. Мы обращались к нему, используя только титул. Тибетские святые теперь рождаются и на Западе, в местах вроде Бразилии. Мне он не казался святым: в нем не было ни отрешенности, ни загадочности. Рядом с нами гудел насос черного мешка с питательной смесью, от которого тянулась трубка и исчезала где-то под одеялом, укрывавшим отца.

— Хорошо бы коснуться его ног, — сказал Ринпоче, заключив ступню отца в свои ладони. — Вот так.

Я не знала, должно было касание ног помочь отцу, или мне, или нам обоим.

— Хорошо, — ответила я и взялась за вторую ступню внутри толстого носка, хотя это и было странно. Я смотрела на лицо отца: когда оно морщилось от боли или гнева, было похоже, будто он собирался улыбнуться.

— Приятно, — сказал отец, закрыв глаза. Я посмотрела на тумбочку рядом с ним и на полки у стены напротив: я искала глазами вещицы, которые мне понравились бы, хотя знала, что не осмелюсь ничего украсть прямо у него перед носом.

Пока он спал, я ходила из комнаты в комнату в поисках чего-то, чего не знала сама. На диване в гостиной, сложив руки на коленях, ждала сиделка: не позовут ли ее? В доме было тихо, все звуки вязли в воздухе, белые кирпичные стены с ямками и неровностями напоминали подушки. Плиточный терракотовый пол охлаждал мне ноги, теплым, как мое тело, он был только там, где солнце нагрело его.

По пути на кухню, в туалете рядом с ванной комнатой, в шкафчике, где раньше лежала потрепанная «Бха-

гавадгита», я нашла дорогой спрей для лица с розовой водой. Сидя в темноте на унитазе за запертой дверью, я распылила его в воздухе и закрыла глаза. Он окутал меня туманной дымкой, прохладной и божественной, словно в лесу или в старой каменной церкви.

В шкафчике нашелся также серебристый тюбик геля для губ с кисточкой на одном конце и завинчивающимся механизмом для выдавливания на другом. Я не могла этого не взять. Сунула тюбик в карман, чтобы унести в однокомнатную квартирку в Гринвич-Виллидж, где жила со своим другом и где, я знала — настолько твердо, насколько я вообще когда-либо что-либо знала, — этот гель для губ сделает мою жизнь полной. Пока я старалась не столкнуться с экономкой, братом, сестрами и мачехой, которые могли поймать меня на воровстве или ранить отказом признавать меня, отвечать на мои приветствия, пока опрыскивала себя в темном туалете, чтобы почувствовать, что я не исчезаю, что в опадающей туманной дымке у меня снова есть очертания, — усилия, потраченные на визит к больному отцу, стали казаться непосильной ношей.

Весь прошедший год я приезжала к нему на выходные почти каждый месяц. Я уже не ждала великого воссоединения, как в кино, но все равно возвращалась.

В перерывах между визитами отец мерещился мне по всему Нью-Йорку. Я видела его в зале кинотеатра — изгиб шеи, переходящий в линию челюсти и скул, в точности как у него. Зимой, на пробежке по набережной Гудзона, я видела его сидящим на лавочке: он смотрел на пришвартованные лодки. По дороге на работу, из окна поезда я смотрела, как он идет по платформе сквозь толпу. Худощавые мужчины с оливковой кожей, тонкими запястьями, длинными пальцами и щетиной, которые под определенным углом выглядели точь-в-точь как отец.

Каждый раз я с колотящимся сердцем подходила ближе, чтобы убедиться, хотя знала, что это никак не может быть он. Потому что он болен и лежит в постели у себя дома в Калифорнии.

До этого, в те годы, когда мы почти не разговаривали, мне повсеместно попадались его фотографии. При взгляде на них у меня возникало странное ощущение. Примерно как если вдруг замечаешь отражение в зеркале в другом конце комнаты и поначалу думаешь, что это кто-то незнакомый, а потом понимаешь, что это твое собственное лицо. Так и его изображение смотрело на меня отовсюду: с обложек газет и журналов, с экранов телевизоров — в каком бы городе я ни находилась. И я думала: «Это мой отец, и никто об этом не знает, но это правда».

Прежде чем попроситься, я зашла в туалет, чтобы в последний раз подставить тело под мелкие капли розовой дымки. Это был натуральный спрей, что означало, что через несколько минут запах душистых роз сменится запахом болотной гнили, но в тот момент я этого не понимала.

Когда я вернулась в комнату отца, он пытался встать. Я смотрела, как одной рукой он подхватил ноги, повернул себя на девяносто градусов, отталкиваясь от изголовья другой, а потом обеими руками перекинул ноги через край кровати, чтобы они коснулись пола. Обнимая его, я чувствовала его позвонки и ребра. От него исходил затхлый запах: пот, кожа пахли лекарствами.

— Я скоро вернусь, — сказала я.

Мы отпустили друг друга, и я повернулась, чтобы уйти.

— Лиз.

— Да?

— Ты пахнешь туалетом.

ХИППИ

К ТОМУ ВРЕМЕНИ, как мне исполнилось семь, мы с мамой успели переехать тринадцать раз.

Мы снимали жилье неофициально: то поселялись в свободной комнате у друзей, то снимали угол у основного съемщика. Последнее место, где мы жили, перестало быть пригодным для обитания, когда кто-то без предупреждения продал холодильник. На следующий день мама позвонила отцу с просьбой давать больше денег, и он увеличил ежемесячную денежную поддержку на 200 долларов. Мы снова переехали, на этот раз в квартиру на первом этаже маленького здания позади дома на Чаннинг-авеню в Пало-Алто — первое жилье, которое мама сняла на свое имя. Наше новое обиталище было только для нас.

Темно-коричневый дом, позади которого находилась наша квартира, был в американском ремесленном стиле, с пыльными зарослями плюща вместо лужайки и двумя согнутыми кустарниковыми дубами, почти касающимися земли. Паутина, протянувшаяся между плющом и деревьями, притягивала пыльцу и сверкала белизной в лучах солнца. С улицы не видно было, что позади дома находится здание с квартирами.

До этого мы жили в городках неподалеку: Менло-Парке, Лос-Альтосе, Портола-Вэлли, — но именно Пало-Алто мы впоследствии стали называть домом.

Земля здесь была черной, жирной, душистой, и под камнями я находила красных жучков, червей розового или пепельного цвета, длинных сороконожек и мокриц с серым панцирем, которые сворачивались в клубок, когда я трогала их пальцем. Воздух пах эвкалиптом, нагретой солнцем грязью, влагой и скошенной травой. Железнодорожные пути делят город на две половины; рядом с ними находится Стэнфордский университет с его длинным овальным газоном и золоченой часовней в конце усаженной пальмами дороги.

В день, когда мы переехали, мама поставила у нового дома машину и мы перенесли все наши вещи: кухонные принадлежности, матрас, письменный стол, кресло-качалку, лампы, книги.

— Поэтому кочевники так ничего и не создали, — занося в дом коробку, сказала она, всклокоченная, руки перепачканы белой грунтовкой для холста. — Они так часто переходят с место на место, что не успевают построить что-нибудь, что осталось бы после них.

В гостиной была раздвижная стеклянная дверь, которая вела на небольшую веранду. За верандой тянулась полоса сухой травы и чертополоха, рос чахлый дуб и такое же чахлое фиговое дерево, а за всем этим — дебри бамбука, от которого, по маминым словам, очень трудно избавиться, если он пустит корни.

Когда мы покончили с разгрузкой, она встала, уперев руки в боки, и мы вместе оглядели комнату — даже со всеми нашими вещами она казалась пустой.

На следующий день она позвонила отцу на работу и попросила о помощи.

— Сейчас приедет Элейн на фургоне: мы собираемся к твоему отцу забрать диван, — сказала мать несколько дней спустя.

Отец жил в Саратогге, рядом с Монте-Серено, в полчасе езды от нас. Я никогда раньше не бывала у него

дома и не слышала о городе, где он жил. Я и видела-то его всего пару раз.

Мама сказала, что когда она позвонила, отец предложил отдать нам лишний диван. Она не сомневалась: если мы не заберем диван как можно скорее, отец его просто выкинет или предложение перестанет действовать. И как знать, когда нам снова удастся воспользоваться фургоном Элейн?

Я ходила в первый класс вместе с детьми-близнецами Элейн, братом и сестрой. Элейн была старше матери. Она не собирала волосы, и свободно лежавшие пряди ее волнистых черных волос при определенном освещении создавали вокруг ее головы подобие гало. Мама была юной, чувствительной и сияющей, без мужа, дома, семьи — всего того, что было у Элейн. Вместо этого у нее была я, а у меня было две задачи: первая — защищать ее, чтобы она могла защитить меня, и вторая — воспитать и отшлифовать ее, чтобы она могла справиться с миром, как шлифуют наждачной бумагой поверхность, чтобы краска лучше ложилась.

— Налево или направо? — все время спрашивала Элейн. Она спешила: у нее была запись к врачу. У мамы дислексия, но она всегда настаивала, что не пользуется картами совсем не по этой причине, а потому что карты, по ее словам, были внутри нее, и она могла найти дорогу в любое место, где когда-либо бывала, даже если для этого приходилось пару раз не туда свернуть. Но часто выходило так, что мы сбивались с пути.

— Налево, — сказала она. — Нет, направо. Погоди. Да, налево.

Элейн это слегка раздражало, но мама и не думала извиняться. Она вела себя так, будто спасаемый находится в равном положении с теми, кто его спасает.